УДК 316.344 Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2015. Вып. 4

Е. С. Богомягкова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК ДИСКУРС: ПРОИЗВОДСТВО НОВЫХ ФОРМ НЕРАВЕНСТВА*

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В последние десятилетия внимание становится дефицитным ресурсом не только в политике и экономике, но и в социальной сфере. Способом привлечения внимания к негативным обстоятельствам и ситуациям выступает проблематизация, а перечень актуальных социальных проблем определяется не их масштабом и последствиями, а привлекательностью для различных групп общественности. В связи с этим особую актуальность приобретает теория социальных проблем, акцентирующая внимание на риторике высказываний (claims-making activity). Опираясь на социальный конструкционизм (Дж. Китсьюз, П. Ибарра), мы рассматриваем социальные проблемы как специфический дискурс. Помимо актуализации ситуации и мобилизации ресурсов дискурс социальных проблем производит и воспроизводит систему неравенства в соответствии с критерием «принадлежности/непринадлежности» к социальной проблеме. В результате символически и дискурсивно производятся такие группы, как «жертвы проблемы» и «носители проблемы», объединяющие многие формы символического доминирования и контроля. Характерную для общества концепцию равенства (нормальности), а также оценку различных социальных групп как неравных воспроизводят эксперты и группы власти, выступающие с легитимирующей аргументацией и претендующие на выход со своими решениями в пространство недискурсивных практик (проведение мер заботы, контроля, исключения). Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: социальные проблемы, социальный конструкционизм, дискурс социальных проблем, социальное неравенство, производство социального неравенства.

SOCIAL PROBLEMS AS A DISCOURSE: PRODUCTION OF NEW FORMS OF SOCIAL INEQUALITY

E. S. Bogomiagkova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In recent decades, the attention becomes scarce not only in politics and economics, but also in the social sphere. Problematization may be considered as the way of attracting attention to the negative circumstances and situations. The list of current social problems is not determined by their scale and impact, but by their attractiveness to different public groups. In this regard, the theory of social problems focusing on the rhetoric of statements (claims-making activity) is of particular relevance. Based on social constructionism (J. Kitsuse, P. Ibarra), we consider social problems as a specific discourse. In addition to the actualization of the situation and resource mobilization discourse of social problems produces and reproduces a system of inequality in accordance with the criterion of «belonging/not belonging» to a social problem. As a result, such groups as «victims of the problem» and the «source of the problem» are symbolically and discursively produced. These groups includes many forms of symbolic domination and control. The discourse of social problems acts as an «umbrella» for other types of discourses like medical and legal; it has its own system of notation, differentiation of individuals and groups, delegation of authority and attribution of responsibility. Experts and groups of power reproduce the proper concepts of equality (or normality), and evaluate various social groups as unequal. Groups of experts act with legitimizing arguments and claiming the exit with their solutions in the space of non-discursive practices (the implementation of measures of care, control, elimination). Refs 18.

Keywords: social problems, social constructionism, discourse of social problems, social inequality, production of social inequality.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00359 «Сетевые и потоковые структуры неравенства в современном российском обществе».

Популярная в середине XX в. цитата «Кто владеет информацией, тот владеет миром» в начале XXI в. поменялась на более актуальную «Кто владеет вниманием, тот владеет миром» [1]. Категория внимания приобрела особую значимость и оказалась применимой не только к рекламе и политике, но и к социальной сфере, а конкретно — к социальным проблемам. Оказалось, что важность социальной проблемы определяется не столько масштабом ее негативных последствий или широтой охвата, сколько уровнем, силой и продолжительностью общественного внимания к ней. Чтобы инициировать действия и мобилизовать ресурсы, социальные проблемы должны пользоваться вниманием как широкой общественности, так и профессиональных сообществ, органов государственной власти, то есть должны быть успешными и привлекательными в публичной повестке дня.

В контексте современных изменений все более важным становится такой компонент социальной проблемы, как риторика, актуализирующая и драматизирующая социальные условия. «Привлекательность» социальной проблемы для различных групп общественности зачастую оказывается решающим условием инициирования политики и проведения реформ. В то же время сам процесс проблематизации, то есть интерпретация какого-либо условия в качестве социальной проблемы, представляет собой акт привлечения внимания, способ выделения ситуаций и обстоятельств из реальности, номинацию их в качестве предмета общественного интереса, дискуссий и практической деятельности. Из всего многообразия условий, потенциально способных стать социальными проблемами, видимой, а потому «реальной», становится лишь малая часть. Социальные проблемы, существующие в публичном и научном дискурсах, могут быть слабо связаны с глубиной и степенью опасности объективных обстоятельств.

Социальные проблемы возникают и существуют как процесс идентификации различными социальными группами (активистами общественных движений, политиками, профессиональными экспертами, медиа, общественным мнением) разнообразных обстоятельств как неблагоприятных и обозначения их в качестве социальных проблем, то есть в качестве источника социального неблагополучия и задачи практической деятельности. Судьба социальной проблемы зависит от того, кто, как, с какими намерениями и где выдвигает утверждения-требования, привлекает внимание к негативным ситуациям [2, 3].

В задачи статьи входит анализ особенностей дискурса социальных проблем как формы социального контроля и производства в нем новых форм неравенства.

Дискурсивный вид неравенства обусловлен ролью языка в процессах производства социальных идентичностей и социальных отношений [4, 5]. Понятие дискурса тесно связано с категориями власти [6], идеологии и доминирования [7]. Власть в теории дискурса понимается, прежде всего, как власть слова, как власть говорить, предлагать и навязывать свои способы категоризации мира. Подобным доминированием обладают символические элиты, их институты и организации, которые выступают участниками устной и письменной коммуникации, имеют особый доступ к наиболее влиятельным формам публичного дискурса (и контролем над ними), в частности масс-медиа, политики, образования, науки и бюрократии [4, 8]. Таким образом, дискурс обеспечивает превосходство и гегемонию одним социальным группам в ущерб другим и способствует формированию и воспроизводству неравного распределения сил между социальными группами (например,

между женщинами и мужчинами, этническим меньшинством и большинством) [9]. Власть понимается как производительная сила, а не как некоторое качество индивида.

Помимо способности дискурса производить неравенство, нужно отметить еще два важных момента: прагматику высказывания [10] и контекстуальность дискурса. Любой дискурс характеризуют как тематические особенности (феминистский, расистский дискурсы), так и повторяющиеся приемы построения высказываний — риторические, лингвистические, семантические — в различных дискурсивных событиях (текстах, разговорах). Таким образом, дискурс — это не только, что говорится, но, главным образом, как говорится.

Итак, в центре нашего внимания оказывается дискурс социальных проблем как совокупность всех текстов (письменных и устных), проблематизирующих условия, представляющих их в качестве социальной проблемы, то есть задачи практического действия. Подобный дискурс производится и воспроизводится в многообразных ситуациях — в повседневных разговорах, в новостных сюжетах, в социальных и психологических службах, в медицинских учреждениях, в бюрократическом аппарате и политическом процессе. Он проникает всюду, поскольку является одним из самых распространенных способов понимания окружающего мира, а для государственных учреждений — и средством мобилизации ресурсов.

Можно выделить несколько направлений рассмотрения дискурса социальных проблем. Во-первых, вся совокупность высказываний о «социальных проблемах» может быть рассмотрена как порядок дискурса, где сосуществуют и конкурируют разные тематические дискурсы как разные интерпретации социальных проблем. Идея борьбы и конкуренции различных дискурсов за легитимное выражение проблем реализована в исследованиях наркомании, здоровья, положения лиц, вышедших из мест лишения свободы, и т. д. [11, 12]. Например, проблема наркомании может конструироваться в рамках медицинского (как проблема болезни и здоровья) и правового (как юридическое преступление, связанное с потреблением и распространением наркотиков) дискурсов. Проблема дорожно-транспортных происшествий присутствует в публичной повестке дня и как результат коррупции службы ГИБДД, и как следствие плохих дорог, и как итог безответственности водителей, употребляющих алкоголь за рулем. Проблема загрязнения окружающей среды присутствует в публичной повестке дня как задача сохранения планеты и безопасности жизни на Земле и как вопрос, связанный с финансовыми интересами крупных корпораций и транснациональных некоммерческих организаций.

Во-вторых, оправдано говорить о дискурсах публичных арен (термин С. Хилгартнера, Ч. Л. Боска) — среды, в которой происходит процесс определения и продвижения социальной проблемы. Такие арены, как СМИ, наука, органы законодательной и исполнительной власти, суды, некоммерческие организации (НКО), могут добавлять новые значения и коннотации к сложившимся определениям проблем, прежде всего, благодаря форме и стилю подачи материала. Здесь наиболее наглядно проявляется влияние контекста на производство высказывания. Власть дискурса особенно актуализируется в связи с появлением и развитием новых медиа (социальные сети, Интернет), когда количество игроков, способных продвигать собственные интерпретации социальных явлений, увеличивается. Отмеченное многообразие дискурсов как разных определений социальных проблем отно-

сится к области не только языка, но и действия. Слово обладает перформативной силой. Например, использование терминов «борьба с терроризмом» или «война с терроризмом», очевидно, обосновывает и оправдывает выбор разных действий.

В-третьих, мы предполагаем существование общего дискурса, выступающего в качестве «зонтика» — метадискурса — для всех определений социальных проблем, обладающего собственными системами обозначения, дифференциации индивидов и групп, делегирования власти и атрибуции ответственности. Дискурс социальных проблем формирует определенную картину мира, интерпретируя события и ситуации в логике проблемного взгляда. Он также выступает формой социального контроля и воспроизводства новых форм неравенства. Согласно его логике, границей разделения на «наших» и «других»/«чужих» выступает принадлежность/непринадлежность к социальным проблемам, при этом категории «наших» приписываются позитивные значения, а категории «других»/«чужих» — отрицательные. Принадлежность к проблеме маркируется и как вовлеченность, и как ответственность, и как страдание от наличия проблемы. Мы выделили такие категории, как «жертвы» проблемы и «носители» проблемы, чтобы показать, как использование языка формирует их как опасную или уязвимую группу.

«Жертвы» проблемы — это категория, обозначающая социальные группы, которые страдают от неблагоприятных условий, маркирующая их как пассивный субъект, нуждающийся в помощи и поддержке со стороны более сильных и влиятельных групп, в частности со стороны государства. «Жертвы» проблемы выступают объектом социальной политики, вмешательства, заботы и контроля. Как правило, в качестве «жертвы» проблемы номинируются безработные, бездомные, люди с ограниченными возможностями, женщины, страдающие от насилия в семье. Эти группы лишены слова в публичной повестке дня и, за редким исключением, сами не выступают инициаторами привлечения внимания к своей ситуации. Маркирование «жертв» проблем как «других» связана с категориями патернализма и помощи, жалости и сострадания. На символическом уровне происходит их исключение из сообщества «благополучных» как «нормальных», то есть символически не связанных с социальной проблемой.

«Носитель» проблемы выступает следующей категорией, применяемой к социальным группам, которые обозначаются в качестве виновников социальных проблем, источника угрозы и опасности, а поэтому выступают в качестве объекта дисциплинирования, контроля и/или исключения со стороны более сильных и влиятельных социальных групп. Либо сам факт существования таких групп, либо их поведение обозначается в качестве основной причины социальной проблемы и угрозы социальному порядку. «Носителями» проблемы часто обозначаются представители групп, занимающих низшие позиции в социальной иерархии: зависимые от психоактивных веществ (наркотиков) и алкоголя; освободившиеся из мест лишения свободы; мигранты; носители социально опасных заболеваний (ВИЧ, туберкулез) и т. д. В качестве обобщающей категории для номинации подобных социальных групп активно используется термин «группы риска», определяемый как источник опасности, и шире — как угроза социальному порядку в целом, что оправдывает применение профилактических и карательных мер.

Непременным атрибутом дискурса социальных проблем выступает экспертное мнение, способствующее легитимации как образа социальной проблемы, так

и стратегий ее решения, и производящее разделение на «норму» и «не-норму» по разным основаниям. Мнение эксперта имеет высокий статус, поскольку он презентуется как специалист в той области, о которой говорит, и этом смысле обладает безусловным правом на присвоение дискурса социальных проблем. Кроме того, несмотря на наличие государственной статистики, он оказывается источником объективного знания — человеком, который знает, «о чем говорит».

Наиболее влиятельными экспертами в отношении социальных проблем выступают социологи, что подтверждается распространенным представлением о социологе как специалисте по «социальным проблемам». От социологов ожидают помощи в решении «проблемы», по определению «социальной» [13]. Поскольку результаты исследований социальных проблем, «групп риска» используются сотрудниками социальных служб и другими бюрократами низших уровней, а также политиками, встает вопрос, насколько эти исследования полезны для представителей указанных групп или же наука лишь помогает правительству контролировать их? Кроме того, актуальным остается вопрос, на чьей стороне находится научное сообщество [14, 15].

В отношении социальных проблем социологическое знание часто оказывается разновидностью ученого здравого смысла, проявлением университетской доксы [16]. «Интеллектуалы, предрасположенные думать с помощью государства и для государства, изучают объекты, заранее сконструированные государственным здравым смыслом» [17]. Многие социологические исследования социальных проблем базируются на «предпонятиях» (термин Э. Дюркгейма), выполняющих социальную функцию, «выработанных практикой и для практики», и в силу этого ставших очевидными, само собой разумеющимися, легитимными, что делает задачу их преодоления особенно трудной.

Связь дискурса с социальными практиками, особенно наглядно проявляется в деятельности служб и институтов, имеющих дело с «носителями»/«жертвами» социальной проблемы. «Работники с социальными проблемами» (*social problems workers*) постоянно должны принимать решения: этот случай является примером социальной проблемы, а этот нет; в этом случае наилучшим вариантом будут формальные действия, а в других лучше действовать неформально или ничего не предпринимать, и т. д. Классификация какого-либо случая как примера социальной проблемы предполагает извещение индивидов, вовлеченных в ситуацию (в качестве виновника, жертвы или как-то еще), о том, что эта конкретная «личная трудность» относится к более широкой «социальной проблеме»» [18].

В то же время участники социально-проблемного процесса, воспринимая сложившийся способ классификации как естественный, могут использовать его как ресурс в формировании собственной идентичности. «Жертвы» проблемы претендуют на заботу и патернализм со стороны государства, идентифицируя себя с принятыми ярлыками и определениями. Возможно, отчасти этим может объясняться феномен клиентизма.

Мы попытались поставить вопрос о возможности рассмотрения социальных проблем как дискурса, производящего собственные системы классификации реальности, собственные системы неравенства, а также о необходимости критического анализа роли социологического и других типов знания в его воспроизводстве. В контексте актуальных социальных изменений проблематизация, помимо

функций номинации явления, привлечения к нему внимания и мобилизации ресурсов, выступает формой социального контроля и производства новых видов неравенства. Дискурсивные практики оказываются тесно связанными с недискурсивными практиками — существующие интерпретации обусловливают принятие конкретных мер контроля, борьбы, защиты, исключения, заботы в отношении «жертв» и «носителей» проблемы.

Литература

1. *Иванов Д. В.* Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 176 с.
2. *Спектор М., Китсьюз Дж.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности — II. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 160–163.
3. *Ибарра П., Китсьюз Д.* Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / сост. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55–114.
4. *Ван Дейк Т. А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
5. *Chouliaraki L., Fairclough N.* Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 176 p.
6. *Фуко М.* Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Колледж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. С. 47–97.
7. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html (дата обращения: 05.04.2015).
8. *Van Dijk Teun A.* Ideology and Discourse Analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11(2). P. 115–140.
9. *Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.
10. *Остин Дж.* Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.
11. *Мейлахс П. А.* Дискурс прессы и пресс-дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 4. С. 135–151.
12. *Ясавеев И. Г.* «Сижу за решеткой»: медиаобразы российских заключенных // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 1. С. 53–68.
13. *Ленуар Р.* Предмет социологии и социальная проблема // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / пер. с фр. А. Т. Бикбова, Д. В. Баженова, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чередниченко; отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко; послесл. А. Т. Бикбова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 78–144.
14. *Буравой М.* За публичную социологию // Общественная роль социологии / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой (Из библиотеки журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2008. С. 8–52.
15. *Ганс Г.* Социология в Америке: наука и общество // СОЦИС. 1990. № 5. С. 130–144.
16. *Бурдье П.* Университетская докса и творчество: против схоластических делений / пер. с фр. Н. А. Шматко // Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8–31.
17. *Пэнто Л.* Государство и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 5. С. 99–114.
18. *Бест Дж.* Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / сост. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 26–54.

References

1. Ivanov D. V. *Glem-kapitalizm* [*Glam-capitalism*]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008. 176 p. (In Russian)
2. Spektor M., Kitsuse J. [Constructing Social Problems]. *Konteksty sovremennosti — II. Khrestomatiia* [*Contexts of modernity — II. Reader*]. Kazan', Izd-vo Kazansk. un-ta, 2001, pp. 160–163. (In Russian)

3. Ibarra P., Kitsuse J. [Claims-Making Discourse and Vernacular Resources] Diskurs vydvizheniia utverzhdenii-trebovanii i prostorechnye resursy. *Sotsial'nye problemy: konstruktsionistskoe prochtenie. Khrestomatiia* [*Social problems: constructionist perspective. Reader*]. Sost. I. G. Iasaveev. Kazan', Izd-vo Kazansk. un-ta, 2007, pp. 55–114. (In Russian)

4. Van Diik T. A. [*Discourse and Power. Representation of the Dominance in Language and Communication*] (Rus. ed.: Van Deik T. A. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii*. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom", 2013. 344 p.).

5. Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007. 176 p.

6. Foucault M. [*The Order of Discourse. Inaugural Lecture at the College de France read in December 2*] (Rus. ed.: Fuko M. Poriadok diskursa. Inauguratsionnaia lektsiia v Kolledzh de Frans prochitannaia 2 dekabria 1970 goda. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let*. Moscow, Kastal', 1996, pp. 47–97).

7. Althusser L. [Ideology and Ideological Apparatuses of the State]. *Neprikosnovennyi zapas* [*Reserve*], 2011, no. 3 (77). Available at: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html (accessed: 05.04.2015). (In Russian)

8. Van Dijk Teun A. Ideology and Discourse Analysis. *Journal of Political Ideologies,* 2006, vol. 11(2), pp. 115–140.

9. Fillips L. J., Jørgensen M. V. [*Discourse Analysis. Theory and Method*] (Rus. ed.: Fillips L. Dzh., Iorgensen M. V. *Diskurs-analiz. Teoriia i metod*. Khar'kov, Izd-vo Gumanitarnyi Tsentr, 2004. 336 p.).

10. Austin J. Izbrannoe [*Favorites*]. Moscow, Ideia-Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 336 p. (In Russian)

11. Meylakhs P. A. Diskurs pressy i press diskursa: konstruirovanie problemy narkotikov v peterburgskikh SMI [The discourse of the press and the press of the discourse: constructing of the problem of drugs in the media]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [*The Journal of Sociology and Social Anthropology*], 2004, no. 4, pp. 135–151. (In Russian)

12. Yasaveyev I. G. "Sizhu za reshetkoi": mediaobrazy rossiiskikh zakliuchennykh ["Sitting behind bars": media images of Russian prisoners]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [*Journal of Social Policy Studies*], 2010, vol. 8, no. 1, pp. 53–68. (In Russian)

13. Lenoir R. [The Subject of Sociology and the Social Problem] (Rus. ed.: Lenuar R., Merl'e D., Pento L., Shampan' P. *Nachala prakticheskoi sotsiologii* [*Origin of Practical Sociology*]. Transl. A. T. Bikbov, D. V. Bazhenov, E. D. Voznesenskaia, G. A. Cherednichenko; otv. red. i predisl. N. A. Shmatko; poslesl. A. T. Bikbov. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, pp. 78–144).

14. Burawoy M. [For public sociology]. *Obshchestvennaia rol' sotsiologii* [*The public role of sociology*]. Eds. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova (Iz biblioteki zhurnala issledovanii sotsial'noi politiki). Moscow, OOO "Variant", TsSPGI, 2008, pp. 8–52. (In Russian)

15. Gans G. Sotsiologiia v Amerike: nauka i obshchestvo [Sociology in America: science and society]. *Sotsis* [*Sociological Research*], 1990, no. 5. pp. 130–144. (In Russian)

16. Bourdieu P. Universitetskaia doksa i tvorchestvo: protiv skholasticheskikh delenii [University Doxa and Creativity: against Scholastic Divisions]. Transl. N. A. Shmatko. *Socio-Logos'96. Al'manakh rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk* [*Socio-Logos'96. Almanac of the Russian-French Center of Philosophy and Sociology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences*]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1996, pp. 8–31. (In Russian)

17. Pinto L. Gosudarstvo i sotsial'nye nauki [The State and Social Science]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [*The Journal of Sociology and Social Anthropology, Russia*], 2004, vol. VII, no. 5, pp. 99–114. (In Russian)

18. Best J. [Social Problems]. *Sotsial'nye problemy: konstruktsionistskoe prochtenie. Khrestomatiia* [*Social problems: constructionist perspective. Reader*]. Sost. I. G. Yasaveyev. Kazan', Izd-vo Kazansk. un-ta, 2007, pp. 26–54. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 июня 2015 г.

Контактная информация

Богомягкова Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель; e.bogomyagkova@spbu.ru, elfrolova@yandex.ru

Bogomiagkova Elena S. — Candidate of Sociology, Senior lecturer; e.bogomyagkova@spbu.ru, elfrolova@yandex.ru